

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Голый король
шоу-бизнеса

Повесть

Желание
дамы —
закон

Повесть

ЭКСМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Голый король шоу-бизнеса

«Научная книга»

2008

Серова М. С.

Голый король шоу-бизнеса / М. С. Серова — «Научная книга», 2008 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

С людьми из шоу-бизнеса лучше не связываться: хлопот с ними не оберешься... Частному детективу Татьяне Ивановой предстояло найти продюсеров, которые то и дело обманывали артистов: возили их на гастроли, а платили гроши. Карпинский и Гольдберг - люди в артистической тусовке известные, но слава у них дурная. Много нечестных дел провернули, многих на деньги кинули. Впрочем, одного из них Татьяна Иванова нашла быстро, только толку - ноль. Вячеслава Карпинского оперативники обнаружили в лесу повесившимся на дереве, однако на самоубийство это мало похоже. Без сомнений, с продюсером разделались враги. А может, Гольдберг решил устранить компаньона?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Серова

Голый король шоу-бизнеса

Глава первая

К сожалению, бабье лето в этом году закончилось очень быстро. Наступил октябрь, который с самых первых своих дней заставил забыть о том, что бывает солнце и тепло, зато напомнил о нудных дождях, пронизывающем ветре и осенней депрессии. И главное – сентябрь-то был на редкость жарким! Я даже купалась в Волге и радовалась, что лето задержалось в наших краях столь долго. И тут вдруг резко – такой облом!

Моя депрессия длилась уже третий день, я изнывала от безделья, ежедневно вглядываясь в хмурое, пасмурное небо за окном. Было ощущение, что вечер начинался одновременно с утром. Не хотелось выходить на улицу, не хотелось никуда ехать, даже не возникло желания по магазинам пройтись. Я могла только лежать в постели, закутавшись в теплое одеяло, и читать журналы или книжки или же, сидя перед компьютером, лазить по Интернету.

Я прекрасно понимала, что лучшим лекарством от бессолнечной хандры станет появление новой работы, то есть нового расследования. А когда я окунусь в привычную захватывающую атмосферу тайн, загадок, слежек, погонь и разоблачений, всю депрессию как рукой снимет. Правда, я лишь три дня назад закончила очередное дело, но часто бывает, что мне хватает и двух дней для подготовки к следующему. А порой я работаю вообще без перерыва. Однако сейчас мне, честно говоря, не хотелось даже работать.

Телефон зазвонил неожиданно, резко и пронзительно. Сняв трубку, я услышала незнакомый мужской голос, звучавший вроде бы ровно и невозмутимо, но в то же время в нем чувствовались неуверенность и нервозность.

– Я художественный руководитель творческого ансамбля «Калинка»... Меня зовут Андрей Морозов... Вы, наверное, слышали, нашему коллективу уже много лет, мы не раз занимали призовые места. Мы занимаемся народным творчеством... – монотонно бубнил голос.

При упоминании группы перед моими глазами возникло знакомое с афиш изображение небольшого коллектива юношей и девушек, одетых в расшитые русские народные костюмы и с соответствующими музыкальными инструментами в руках.

– А что вам и вашему ансамблю нужно от меня? – оборвала я рассказчика. – Надеюсь, вы не ищете новых солистов? Я, знаете ли, обделена певческим талантом.

– Нет-нет, что вы, – словно спохватившись, поспешил заверить меня собеседник. – Я как раз хочу использовать совсем другие ваши таланты. Мои хорошие знакомые порекомендовали вас как частного детектива, который поможет решить нам наши проблемы.

– Творческие? – переспросила я.

– Если бы, – тяжело вздохнул руководитель ансамбля. – Понимаете, нас обманули. Можно сказать, ограбили. Как сейчас говорят... кинули на бабки.

– Вы счастливый человек, если с вами это случилось впервые, – хмыкнула я.

– На такую крупную сумму впервые, – пояснил Морозов.

– А что вы хотите от меня? Я не милиция и не крыша. Вышибание долгов не по моей части. Хотя, поверьте, творческой интеллигенции я очень, очень сочувствую. Впрочем, если у вас есть время, то приезжайте и расскажите подробно о вашей беде.

– Может быть, лучше вы к нам приедете? Наш офис находится в Мордовском национальном центре.

– Где это? – спросила я.

– Горького, 51, первый этаж, – продиктовал Морозов.

– А почему бы вам не приехать ко мне? – поинтересовалась я.

– Потому что нас десять человек, – последовал ответ.

Какое-то время я молчала, осмысливая услышанное.

– М-да, – протянула я. – Загадочная мордовская душа. Ну ладно, приходите все, я приму вас по очереди.

– О чем вы? – удивился Морозов. – Вы что, шутите?

– Нет, – честно ответила я. – Я думала, что это вы надо мной издеваетесь. Зачем-то приглашаете меня в Мордовский национальный центр. И вообще, вы что, всегда ходите толпой? Вы что, один не можете прийти и рассказать о случившемся?

– Да при чем здесь это? – обиженно заявил начальник хора. – Просто мне хотелось, чтобы вы послушали моих коллег. Это даст вам более полную информацию о Гольдберге и Карпинском.

– А зачем мне знать о Гольдберге и Карпинском? – спросила я. – И что люди с такими фамилиями делают в Мордовском национальном центре? – и не сдержавшись, тихонько приснула от смеха.

Громкое сопение на другом конце провода убедило меня в том, что терпение моего собеседника на исходе. Мне стало даже стыдно. В конце концов, человек позвонил мне, чтобы поделиться своей проблемой и получить помощь, и, несмотря на то что он оказался большим занудой, а у меня чертовски плохое настроение, все же так с клиентами разговаривать не стоит.

– Ладно, – уже более приветливо сказала я. – Я согласна подъехать к вам и выслушать подробный рассказ о случившемся с вами несчастье. Через пятнадцать минут я буду на месте. Вас устроит?

– Да, – коротко ответил Морозов. – Мы будем ждать вас.

Мордовский национальный центр оказался просторным подвалом, расположенным в сталинке на углу Горького и Советской. Я спустилась на несколько ступенек вниз и оказалась в вестибюле, где меня встретили две седенькие старушки, закутанные в пуховые платки. Старушки были поразительно похожи одна на другую, и даже голоса их сложно было различить. Я поинтересовалась, где мне найти руководителя ансамбля «Калинка» Андрея Морозова, но мой вопрос вызвал у вахтерш замешательство.

– Это кто ж такой? – повернулась одна старушка к другой.

Ее напарница лишь пожала плечами.

– Они исполняют фольклор, – попыталась объяснить я. – В общем, наряжаются всегда в народные костюмы, с балалаечками ходят там, с гармошками... – я напряглась и воссоздала в памяти афишу.

– Ах, так это, наверное, те, которые дальнюю комнату арендуют, – вдруг догадалась одна из старушек.

– Ну да, – подхватила другая. – Только их почти никто и не спрашивает...

– Пойдемте, я вас провожу, – старушка подхватила меня под локоть и повела по длинному коридору.

Выяснилось, что ансамбль «Калинка» занимал две комнаты в самом конце, напротив туалета.

Толкнув дверь, я вошла в большую комнату, напичканную различной аппаратурой. На стульях сидели несколько мужчин и девушек, словно сошедших со знакомой мне афиши: те же красно-белые расшитые костюмы, прически в старорусском стиле, на женщинах – высокие кокошники, косоворотки у мужчин подпоясаны кушаками... Звучала какая-то народная мелодия, а за пультом сидел мужчина лет сорока в наушниках и обычной повседневной одежде – джинсах и клетчатой толстовке. Немного поодаль с балалайкой в руках расположился еще один парень. Видимо, у группы шла репетиция.

– Здравствуйте, – громко сказала я.

– Здравствуйте, – мне навстречу сразу же поднялся довольно высокий худощавый мужчина лет тридцати пяти, с коротко стриженными темно-русыми волосами. Лицо его было самым обычным, с правильными чертами, но совсем не запоминающееся. – Вы Татьяна Иванова?

Я кивнула.

– А я Андрей Морозов, художественный руководитель. Спасибо, что приехали, мы как раз тут все в сборе... Дима, можешь пока отдохнуть, сделаем небольшой перерыв, – громко обратился он к мужчине в наушниках.

Дима пожал плечами, но процесс не прервал, наушники тоже не снял, продолжил нажимать на кнопки, поглядывая на экран.

– Помнится, вы говорили о том, что дело касается всех участников группы, – напомнила я. – В таком случае, думаю, имеет смысл познакомиться со всеми.

– А... Да, конечно. – Андрей повернулся и обвел взглядом своих друзей и партнеров. – Ну, вот, например, Надя, моя жена... – показал он рукой.

Со стула поднялась высокая блондинка, чуть полноватая, с миловидным округлым лицом, с толстой косой, одетая в красный сарафан и белую блузку. Надежда приветливо улыбнулась мне, но ничего не сказала.

– Дальше... – Андрей продолжал смотреть на коллектив, не зная, видимо, в какой последовательности представлять участников.

– Женя, – коротко сказал кудрявый русоволосый парень маленького роста, тот самый, в руках у которого была балалайка.

– Да, вот Женя, наш балалаечник, – подхватил Морозов, после чего махнул рукой: – В общем, знакомьтесь сами...

Мне были представлены худощавый, с какими-то печальными черными глазами клавишник Борис, еще одна девушка, которую звали Наташа, и звукооператор Дмитрий Круглов. Он, похоже, был самым старшим в группе и самым необщительным. Собственно, он и не представлялся, а просто сидел, уткнувшись в свою аппаратуру, то щелкая мышью, то нажимая клавиши. У него были крупные правильные черты лица, а сам он был довольно габаритным мужчиной. Серые глаза за очками задумчиво смотрели на экран, Круглов никак не реагировал на мое появление. Густая борода, длинные волосы, небрежно собранные в хвост, перетянутый обычной черной резинкой.

«Человек, видно, не любит тратить время на уход за собой», – сделала я вывод.

– Ну вот, познакомились, – нарочито бодрым голосом проговорил Андрей. – Теперь можно и к делу перейти.

Он бесцельно крутил в руке какую-то тетрадь с нотными записями, и было заметно, что он немного нервничает и не знает, с чего начать.

– Мы будем беседовать прямо здесь или у вас есть отдельная комната? – спросила я.

– Отдельная? – Морозов покрутил головой.

– Только комната, где мы обедаем, но там очень мало места, – с улыбкой подсказала его жена Надя.

– Да, прямо здесь и поговорим, – решил Морозов, тряхнув головой. – Тут всем и разместиться можно, и не мешает никто. Вы присаживайтесь, пожалуйста.

Он пододвинул мне стул, и я села так, чтобы были видны лица всех участников коллектива. Один только звукооператор Дима остался сидеть спиной ко мне и никак не выразил своей заинтересованности в происходящем. Все повернулись на своих местах, Морозов же остановился посреди комнаты.

– Вы начните, пожалуйста, с самого главного – что все-таки случилось, – решила я немного помочь ему сосредоточиться.

Морозов пару секунд подумал, а затем начал рассказывать. Говорил он долго и медленно, путаясь и сбиваясь в занудные и ненужные подробности, мало уделяя внимания главному. Периодически перебивая его вопросами и уточнениями, я наконец выяснила следующее: двое каких-то московских барыг от шоу-бизнеса заявили в Тарасов и уговорили, черти языкастые, творческий коллектив «Калинка» на длительные гастроли по Северу с целью срубить бабок с нефтяников, которым в пьяном виде, в сущности, по барабану, кого слушать – «стрелок», «белок» или «Хор Турецкого». В приличном темпе коллектив народных песнопевцев пробороздил на вездеходах просторы Коми-Пермяцкого округа и других нефтеносных краев и в конце десятой поездки выяснил, что денег им заплачено всего за два концерта, и то в качестве мелких авансов. Мелкие авансы оказались все же достаточно крупными для Тарасова выплатами, чтобы можно было ездить по Северу, пить-есть и даже вернуться домой, однако коллектив был явно настроен на совсем другие гонорары. Семьи солистов уже распланировали крупные покупки, но неожиданно оба продюсера оборвали связь. Договоры были оформлены как надо, с юридической точки зрения Морозов имел право требовать денег и уже собирался подать в суд, и подал бы, если бы знал, где найти этих коммерсантов.

– В милицию обращались? – коротко спросила я, когда Андрей наконец закончил рассказ.

– Да, – кивнул Морозов. – Но они... Слишком много хотят. И никаких гарантий не дают.

Одним словом, как поведал Андрей, продажные менты хотели получить откат размером в половину обещанного калинковцам гонорара. Это, естественно, несколько не вдохновило руководителя ансамбля, и он после некоторых колебаний решил-таки обратиться ко мне, учитывая мой опыт и репутацию.

– Сколько же вам должны были заплатить по договору? – поинтересовалась я.

Оказалось, что по три тысячи долларов за каждое выступление, за десять выступлений – тридцать тысяч. Приличная сумма для тарасовских музыкантов. Реально же им дали пять на всех. Не густо, если разделить на всех участников группы. Одним словом, впереди маячил куш в двадцать пять тысяч долларов, из которых пять Морозов предложил мне за то, что я найду этих ребят.

– Но предупреждаю, что я тоже не даю никаких гарантий, – сказала я. – Однако могу заметить, что ни одного нераскрытого дела на моем счету не значит.

Проговаривая это, я уже раздумывала над своими дальнейшими действиями. Просто искать неведомого человека, мошенника – довольно неблагоприятное занятие. Вероятнее всего, в Тарасове их уже нет. Конечно, я прокручивала возможные варианты, и прежде всего установление его настоящего имени. Отработка контактов, адреса, телефоны... Рутинная работа, надо сказать. Не слишком азартная. Хотя как посмотреть.

– Значит, их звали Гольдберг и Карпинский? – спросила я. – Имена, адреса, фотографии, вся известная вам информация – все выкладывайте.

Морозов засопел носом и задумался. Вместо него чуть робко начала говорить его жена:

– Вячеслав Карпинский и Анатолий Гольдберг. Карпинского я, кстати, с детства знаю. Я в музыкальной школе училась, и он тоже. Правда, всего три класса отучился, потом бросил. Но я его иногда встречала. Я еще до «Калинки» в хоре пела, и Вячеслав мелькал на концертах. Пытался уже тогда продюсерством заниматься, даже с Камелией одно время какие-то дела у них были...

– С Камелией? – удивилась я.

– Ну да. Певица такая есть, вы разве не знаете?

Господи, кто не знает певицу Камелию, трех ее детей и мужа-продюсера Артема Привалова? Да все знают, от Калининграда до Владивостока! Наиболее продвинутые и интересующиеся знают также, что родом она из небольшого городка, который находится всего в ста километрах от Тарасова. Разумеется, это знала и я. Просто сейчас ее имя прозвучало неожиданно.

– Ну вот, – продолжала Надежда. – Потом он в Москву перебрался...

– Как он выглядит? – уточнила я.

– Невысокий, щупленький, лет тридцать ему, – принялась обстоятельно перечислять Надя. – Волосы короткие, крашенные в белый цвет. Говорил, что в Москве живет где-то в Чертанове.

– Да, но это вовсе не означает, что он действительно там живет, – заметила я. – А если и живет, то не известно, как его там найти, ведь он вполне может быть зарегистрирован по другому адресу. Может, что всего вероятнее, он просто снимает там квартиру, если это вообще правда насчет Чертанова. Кстати, у вас ведь должен был сохраниться договор? Покажите.

– Конечно, – ответил Андрей. – Сейчас я вам его дам.

Он достал из коричневой кожаной папки документы и протянул мне. Я быстро пробежала договор глазами, на первый взгляд все было составлено действительно юридически верно, но я собиралась взять документы домой, чтобы изучить их поподробнее. Внизу стояли две подписи: руководителя коллектива «Калинка» Андрея Морозова и продюсера Вячеслава Карпинского. Подпись последнего была очень незамысловатой, без всяких там вензелей-завитушек, а почерк напоминал каракули первоклассника. Возможно, это было сделано Карпинским умышленно, пока я этого определить не могла.

– А откуда они вообще появились? – спросила я Морозова.

– Просто этот Карпинский позвонил мне и предложил свои услуги организатора гастролей, вот и все! Мы же даем рекламу. Говорил, что слушал нас, что это просто золотая жила – выступление нашего коллектива перед нефтяниками.

– Угу, – понимающе кивнула я. – А Гольдберг?

– Гольдберг... – Морозов задумчиво потер подбородок. – О нем я вообще не знаю, что сказать. Он какой-то такой... Незаметный человек.

– Немного постарше Карпинского, лысоватый, – снова принялась рассказывать Надя. – Более спокойный, себе на уме...

– Ну, что они оба себе на уме, это понятно, – усмехнулась я. – Если так легко вас провели. Лицо Морозова стало совсем угрюмым.

– Да расслабьтесь, – улыбнулась я. – Не все еще потеряно. Фотографий этих орлов у вас случайно не имеется?

– Имеются, – почувствовав собственную востребованность, тут же кивнул Морозов. – Сейчас покажу.

– На одном из концертов фотографировались, они тоже есть в кадре, – поспешила объяснить Надя.

Ее муж тем временем чего-то усиленно пытался добиться от звукооператора Димы, тот хмурил брови, затем молча пощелкал мышью, и на мониторе замелькали изображения коллектива «Калинка».

– Вот! – как-то даже торжественно объявил Морозов и обернулся ко мне: – Идите сюда. Я подошла ближе и вперила взгляд в экран монитора.

– Андрюха, я тебе сколько раз говорил: не тычь пальцем в экран, – с едва заметным раздражением проговорил звукооператор.

– Извини, – бросил Андрей, убирая руку. – Вот Карпинский, а это Гольдберг.

Довольно смазливое личико Вячеслава Карпинского, с хитровой улыбочкой, выглядывало из-за широкой спины Анатолия Гольдберга. Тот был повыше ростом, коренастый, с невозмутимым лицом и обширной лысиной. Оба сидели за длинным столом, за которым расположились еще несколько мужчин весьма уверенного вида. Концерт для нефтяников назвать таковым можно было весьма условно: судя по раскрасневшимся лицам заказчиков, расстегнутым воротам рубашек и раскрепощенным позам, можно было сделать вывод, что в одном из уголков необъятного Севера в тот вечер полным ходом шла обычная пьянка-гулянка.

– А где эта парочка останавливалась в Тарасове? Они, вообще, вместе жили? – обратилась я сразу ко всем участникам музыкального коллектива «Калинка».

– Кажется, да, – кивнула Надя. – Во всяком случае, приезжали они всегда вместе. Но вот где?... Этого мы не знаем. Андрей просто созванивался с ними, и все. Верно? – Она подняла голубые глаза на мужа.

– Да, – печально подтвердил Морозов. – Созванивался, причем только с Карпинским.

– Дайте-ка мне номер! – решительно потребовала я.

Морозов открыл органайзер и продиктовал мне номер. Я достала свой сотовый и набрала несколько цифр. В ответ я услышала стандартную фразу насчет того, что абонент временно недоступен. Вполне вероятно, что искать по этим цифрам мнимого продюсера – дохлый номер. Тем не менее я внесла номер Карпинского в свой телефон.

– Карпинский как-то пожаловался, что воды горячей у него нет, – сказал вдруг балалаечник Женя. – Думаю, что он все-таки хату снимал.

– Только, к сожалению, в нашем городе очень много хат, в которых часто отключают горячую воду, – вздохнула я. – Еще что-нибудь вспомнить можете?

– Я как-то слышала, что он звонил какой-то девушке и называл ее Аня или Ася, – сказала вдруг Наташа.

– Карпинский? – уточнила я.

– Ну да...

– Так, с самой этой девушкой или с какой-то другой он появлялся?

– Нет, – подумав, ответила Наташа, и остальные тоже закивали.

– Он звонил ей только один раз? – Я обращалась к жене Андрея.

– Во всяком случае, я слышала это только однажды, – ответила она.

– А сам разговор о чем был?

– Ой, вот этого я не знаю. Я слышала-то мельком, даже имя толком не запомнила. Может быть, вообще Аля... Он сказал только что-то вроде «Ань, привет!» или «Ась, привет!» А может быть, он вообще к мужчине обращался? Ну, там, Сань или Вась? Или выдуманным именем – в этой среде распространены всякие клички-прозвища...

– «Мась», например, – весело откликнулся балалаечник Женя и пояснил: – Я свою кошку так называю. Мася, Масяня...

Я ничего не ответила, потому что понимала, что этот факт, скорее всего, останется не востребованным мною в силу очень малой информативности. Черт, даже и не знаешь, с чего начинать! Как трудно искать вот таких персонажей, без имени, без роду-племени... Ехать в Москву? Возможно, возможно... Но сначала все-таки нужно попытаться кое-что сделать в Тарасове. Имена-то все же известны, и, скорее всего, они настоящие, учитывая, что Надя с детства знала Карпинского именно как Карпинского.

Морозов все это время только слушал и соглашающе кивал, видимо, переложив функции информатора на своих коллег. Мне казалось, что он был даже несколько удивлен теми деталями, которые они воспроизводили. Я обратилась к его супруге:

– Вы не знаете тарасовского адреса Вячеслава Карпинского? В смысле, того, где он когда-то жил с родителями.

– Нет, – развела Наташа руками. – Мы же общались только на уровне «привет-пока».

Остальные молчали, и я поняла, что на сегодня общение с «Калинкой» можно закончить. Я поднялась, поблагодарив всех за беседу, затем посмотрела на Морозова. Он правильно понял мой взгляд, потому что сразу же повел меня в другую комнату гораздо меньше прежней. Остановившись у столика, на котором стояли электрический чайник и несколько чашек, он отсчитал аванс и спросил:

– Когда вы сможете сообщить что-то конкретное?

– Пока не знаю, – с улыбкой ответила я. – Обещаю только регулярно отзваниваться и докладывать о результатах.

– Так мы завтра не увидимся? – удивился он, и в его тоне не было и намека на то, что он проявляет ко мне интерес как к женщине. Просто было ясно, что человек волнуется за исход дела. Ну, еще бы ему не волноваться! Любой бы тревожился, когда речь идет о возвращении собственных денег.

– Если нужды в этом не будет, то нет, – сказала я. – Конечно, мне бы очень хотелось, чтобы кто-то из вас вспомнил что-нибудь существенное, но если нет, так нет. Я вам позвоню. Кстати, еще такой вот вопрос: к кому вы обращались в милиции?

– К капитану... – Морозов напрягся, наморщил лоб, потом быстро выпалил: – К капитану Карасеву, Октябрьский РОВД.

Я записала данные в блокнот и еще раз напомнила, что позвоню сама.

Морозов закивал, после чего мы услышали из комнаты для репетиций приглушенный баритон:

– Андрюха!

– Дима зовет, – спохватился Андрей и хлопнул себя по лбу: – Я совсем забыл, нам же сегодня еще в одно место ехать... Иду, иду! – крикнул он, крутанувшись на месте, затем торопливо пожал мою руку, прощаясь, и быстро пошел в студию.

Я же покинула здание и отправилась домой. Приехав домой, я еще раз прокрутила в голове всю услышанную информацию, а также скинула на компьютер изображение коллег-продюсеров, тут же распечатав его на принтере. Найти товарищей, конечно, будет не так-то просто, но и не невозможно. Никаких адресных столов я пробивать не стала, решив завтра с утра отправиться к кому-нибудь из своих знакомых ментов, чтобы выяснить, не появились ли в наших доблестных органах сведения о Карпинском и Гольдберге. Прежде чем лечь спать, я решила обратиться к своим верным многолетним помощникам – двенадцатигранным гадальным костям, которые всегда меня выручают. Достав мешочек из коричневой замшевой сумки, я метнула кости на стол и расшифровала выпавшую комбинацию:

34+5+18 – Вас могут поймать на мелком обмане, и вы потеряете друга.

Вот это совсем неожиданно. И даже странно. Вообще-то я никого обманывать не собиралась, а уж тем более друзей. Нужно быть внимательнее и осторожнее, я взяла это на заметку и отправилась спать.

Глава вторая

С утра пораньше я сидела с чашкой крепкого кофе на кухне и обдумывала свой звонок в РОВД. Неожиданно позвонил неугомонный Морозов и спросил, есть ли новости.

– Я же говорила, что позвоню сама, – ответила я. – Сейчас еще рано для каких-либо результатов.

– Я просто думал, что вы уже что-то делаете... – несколько разочарованно протянул Андрей.

– А вы считаете, что я здесь чай-кофеи гоняю?! – возмутилась я, хотя в тот момент занималась именно этим.

– Нет, что вы, нет, конечно, – смутился Андрей. – Извините, пожалуйста...

Покачивая головой, я позвонила в Кировский РОВД. Из всех моих знакомых на месте был только Гарик Папазян. С этим армянином я дружила уже бог знает сколько лет. И все это время Гарик пытался перевести наши отношения в иную плоскость. Интимную, проще говоря. Методы он выбирал разные – от комплиментов и ухаживаний до угроз. Но каждый раз Гарик оставался со своим выдающимся носом – не воспринимала я его как сексуальный объект, а он этого никак не мог понять. Сколько же денег, времени и нервов потратил на меня бедный Гарик! Я поначалу сама не могла понять, зачем ему это надо, поскольку ни в какие неземные чувства с его стороны не верила. И вообще, у Гарика всегда было полно баб, и что он ко мне привязался? А потом я поняла, что он сам уже заигрался в эту игру. Цель соблазнить меня в конце концов перестала быть для него целью, она превратилась в процесс, где результат уже неважен. По-другому общаться со мной Папазян, наверное, уже не смог бы. Ну и я, признаться, включилась в эту игру, в которой правила диктовала сама. И вот я, посмеиваясь, принялась выслушивать бесконечные «Таня-джан», «сапфир моей души» и «нежный персик».

– Гарик? – кокетливо спросила я, когда Папазян взял трубку.

– Да, кто это? – послышался голос моего приятеля.

Вот это номер! Гарик не узнал меня? Такого я даже предположить не могла! Что это с ним случилось, заработался, что ли?

– Это Татьяна Александровна Иванова, – сменив тон на предельно сухой и деловой, отрекомендовалась я. – У меня к вам несколько вопросов.

– Обратитесь к дежурному, – сказал Гарик.

Я чуть не выронила трубку. Во дела!

Выдержав паузу, я осторожно спросила:

– Гарик, с тобой все в порядке?

В трубке тут же послышался раскатистый смех.

– Что, купилась? – Интонации Папазяна тоже моментально сменились. – Здравствуй, Таня-джан, здравствуй, дорогая! Как можно тебя не узнать? Узнал, с первого слова узнал! Видно, чувство юмора теряешь, осень на тебя плохо действует!

– Да уж, осень и в самом деле на меня действует не лучшим образом, – рассмеялась я в ответ.

– А вот Пушкин любил осень, – просветил меня Гарик. – Поэт такой русский, не слышала?

– А ты мог бы и поумнее шутить, пооригинальнее, что ли. Не так примитивно, во всяком случае.

– А я еще пошучу, – обнадежил меня Папазян. – Я же понимаю, что, раз звонишь, значит, помощь нужна. А раз так, то мы с тобой в скором времени встретимся. А уж раз встретимся, то... – Гарик многообещающе замолчал.

– Ну ты прямо образец дедукции! – язвительно сказала я.

– А ты не забывай, где я работаю, ты как раз сюда звонишь, – напомнил мне Гарик. – Что ж, выкладывай, какие у тебя вопросы.

– Гарик, мне бы не хотелось по телефону.

– Так подъезжай! – с энтузиазмом воскликнул Папазян, и я не стала отказываться от приглашения.

Быстро приняв душ и позавтракав, я оделась и спустилась во двор к своей машине. Через пятнадцать минут я уже поднималась в кабинет к Папазяну.

Гарик встретил меня набором привычных комплиментов. Он вышел из-за стола и, приобняв меня, проводил к столу. Сам он уселся напротив и сразу стал говорить о том, когда же мы встретимся в приватной обстановке. И тут же пригласил вечером в ресторан.

– Встретимся, Гарик, обязательно встретимся, – заверила я его. – Вот если ты мне поможешь в одном маленьком вопросе, то я откликнусь на твое предложение гораздо быстрее, потому что сейчас очень занята как раз разрешением этого вопроса. Так что помоги мне, мой страстный южный друг, и я буду свободна, как птица.

– Вот ты и порхаешь, как птица, и все время улетаешь, – сказал Гарик. – И вообще, ты женщина без принципов! Без чувств! Мужчина не должен так страдать. А что за вопрос?

– Да человечка одного хочу найти, – я посмотрела Гарику в глаза.

– Какого? – поднял он смоляную бровь.

– Да так, продюсера одного московского по имени Карпинский Вячеслав Леонидович. Занимается тем, что под видом продюсера кидает наши тарасовские музыкальные группы, и, возможно, не только тарасовские. Слышал что-нибудь?

– Слышать-то слышал, и не один раз. Не про этого Карпинского, а вообще. Но официальных заявлений у меня нет. Иногородние что? Махнули рукой да уехали, их в других городах ждут. Да и понимают, что в Тарасове этого человека искать уже бесполезно. А наши музыканты, наверное, не доверяют правоохранительным органам, – со вздохом закончил Гарик. – Вот ты молодец, сознательная, чуть что – сразу к нам. Значит, доверяешь.

– Почему это «чуть что – сразу»? – обиделась я. – Как будто я самостоятельно дела не расследую!

– Расследуешь, Танюша, конечно, расследуешь, иначе не была бы такой успешной, цветущей женщиной, – снова перешел на заигрывающий тон Папазян. – Вот только такой женщине для поддержания имиджа успешной еще необходим рядом мужчина...

– Известны даже приметы этого Карпинского, – перебила я Гарика. – Щупленький, шустренький, крашенный в белый цвет блондинчик лет тридцати пяти.

– Педик, – тут же сделал вывод Гарик.

– С чего ты взял? – удивилась я.

– По приметам, – пояснил Папазян.

– Гарик, ты не идешь в ногу со временем, – вздохнула я. – Отстаешь ты от него, дорогой. Крашенные волосы у мужчин давно перестали быть признаком нетрадиционной сексуальной ориентации. К тому же не забывай, что он работает не в РОВД, а в сфере шоу-бизнеса, где подобные вещи в порядке вещей.

– Ладно, ладно, – как-то хитро усмехнулся Гарик. – Вот найдешь его – сама убедишься, если, конечно, найдешь.

– Вообще-то у меня нет ни одного нераскрытого дела, – напомнила я. – И как это, интересно, я могу убедиться в его сексуальных наклонностях? Я вообще-то женщина, и с ориентацией у меня все в порядке, если ты забыл!

– А вот этого я не знаю, – парировал Папазян. – У меня как раз не было возможности это проверить, и я уже склонен думать, что ты как раз из тех женщин, что не любят мужчин!

– Зато они меня любят, – улыбнулась я.

– А ты что с этого имеешь? – продолжал Гарик. – Вот есть прекрасный мужчина, молодой, порядочный, относится к тебе со всей душой, все свое горячее сердце готов тебе отдать – ты что? Плохо делаешь и себе и ему, Таня-джан, очень плохо. Такая роскошная женщина...

– Ладно, Гарик, пошутили, и хватит, – посерьезнев, прервала я разошедшегося опера. – Мне действительно нужна информация насчет этого Карпинского. У меня, кстати, есть его фотография. И не только его, а еще и его поделника по имени Гольдберг.

Тут я заметила, что Гарик, не переставая улыбаться, отклонился на стуле и с загадочным выражением лица прищурил глаза.

– А зачем он тебе? Что натворил? Какое ты имеешь к этому отношение? – забросал он меня вопросами.

«Короче, мент есть мент», – подумала я и принялась подробно излагать ему суть своего задания. Рассказала про «Калинку», про лопуха-Морозова, про вездеходы, бороздящие нефтеносные края, про пьяных нефтяников... Ну и про недобросовестных продюсеров, разумеется, тоже.

– Ну как, сможешь найти этих мошенников от шоу-бизнеса? – закончив, обратилась я к Папазяну. – Это дело ведет Октябрьский РОВД, какой-то капитан Карасев из уголовки.

– А что ты сама к нему не обратилась?

Пришлось объяснить, что мне они помогать не будут, поскольку хотят на этом деле заработать и намекали на солидную долю, общаясь с Морозовым.

– К тому же это не они, а ты приглашаешь меня вечером в ресторан, – лукаво улыбаясь, напомнила я. – Ну так что, позвонишь Карасеву?

– Зачем звонить? Я тебе и так помогу найти твоего продюсера, – неожиданно ответил Папазян, усмехнувшись.

Он протянул руку к папке, открыл и торжественно провозгласил:

– Карпинский Вячеслав Леонидович, семидесятого года рождения, уроженец города Тарасова, паспорт...

– Так вы его уже нашли? И ты знал об этом, мерзавец! – не выдержала я.

– Нашли, – равнодушно пожал плечами Папазян, – только не мы. И не Карасев.

– А кто? – удивилась я, лихорадочно соображая, в каких еще сферах деятельности мог накуролесить московский продюсер. – ОБЭП или ФСБ?

– Нет, – улыбнулся Папазян. – Грибники нашли.

– Какие еще грибники? – не поняла я.

– Самые обыкновенные грибники. Гуляли на Ягодной поляне и нашли. Повешенным на дереве...

– Твою мать!.. – невольно присвистнула я. – Ну и поворотик в деле.

Папазян поморщился и зацокал языком:

– Ай-ай-яй! Такая красивая девушка – и так нехорошо ругается! Да еще здесь, в милиции... Пятнадцать суток можно оформлять.

– Если свидетели есть, – мрачно кивнула я. – Когда?

– Вчера вечером, – снова откинувшись на стуле, ответил Гарик. – Так что дело твое можно считать закрытым. И куда мне сегодня вечером подъехать за тобой?

– Да нет, что-то мне подсказывает, что дело только начинается, – со вздохом покачала я головой и напомнила: – У него еще был напарник по фамилии Гольдберг.

– Не знаю никакого Гольдберга! – моментально открестился Папазян. – Ты говорила о Карпинском! Так вот, он найден! Могу тебе с ним очную ставку устроить!

– Ты мне хотя бы поподробнее расскажи об убийстве!

– Почему об убийстве? – вытаращился на меня Папазян. – Я же сказал, что его нашли повешенным на дереве. Значит, сам и повесился.

– Ты действительно так считаешь? – прищурилась я.

– А я вообще ничего не считаю. Зачем? – пожал плечами Гарик. – Мне что, лишние проблемы нужны? Кстати, тебя я вообще не понимаю. Тебя же не убийство наняли раскрывать, а искать Карпинского. А мы его уже нашли. Так что заканчивай свою бодягу, звони клиенту и езжай домой переодеваться. А я заеду за тобой ровно в шесть.

– Подожди! – отмахнулась я. – Покажи протокол!

Гарик поиграл желваками, потом молча протянул мне протокол. Я перелистала страницы. Сжатые, сухие факты свидетельствовали о том, что третьего ноября в районе Ягодной поляны был найден висящий на дереве труп неизвестного мужчины средних лет. В кармане брюк убитого были найдены документы на имя Карпинского Вячеслава Леонидовича.

Я подняла взгляд на Папазяна. Тот, в свою очередь, смотрел на меня, не мигая.

– Его уже вскрывали? – спросила я.

– Нет, – с усмешкой развел руками Гарик. – Вообще никто ничего не делал. Зачем? Разве нашу работу можно назвать серьезной? Просто ждали, когда ты приедешь и все разрулишь, не выходя из этого кабинета.

– Послушай, – я слегка нахмурилась, – по-моему, я никогда не позволяла себе иронизировать по поводу твоей работы. И по поводу работы правоохранительных органов в целом. Если у тебя есть претензии ко мне или обиды, то так и скажи. А рабочие моменты сюда приплетать не следует.

Папазян тоже нахмурился, посидел несколько секунд нахохлившись, после чего вдруг засмеялся и заговорил в своей обычной манере:

– Вот видишь, Таня-джан, до чего ты доводишь сотрудника убойного отдела! Сам себя не узнаю, разум теряю и остатки чувства юмора! Так скоро и увольняться придется.

– Давай, давай, охранником пойдешь на рынок, – ухмыльнулась я, но тут же взяла себя в руки: – Ладно, хватит, чего ты, в самом деле? Забыл, сколько лет работали вместе, сколько преступлений раскрыли? Вспомни-ка все быстренько за пару минут и возвращайся в реальность. У нас с тобой труп, и это касается нас обоих по профессиональной части. Меня – потому что я нанята для розыска этого человека, а тебя – потому что работа у тебя такая, в убойном отделе.

– Вообще-то пока мне никто этого дела не передавал, – развел руками Папазян. – И меня оно, честно говоря, мало волнует. А точнее, вообще не волнует. Не понимаю, чего ты так паришься. Думаешь, твоему клиенту важно, кто замочил этого Карпинского и замочили ли его вообще? Ему бабки свои вернуть хочется, вот и все!

– Еще раз напоминаю, что у него был поделщик! И не исключено, что как раз с ним они и не поделили эти бабки. И дальнейший напрашивающийся вывод – этот Гольдберг его и грохнул.

– Хорошо, допустим, что так, – поднял руки Папазян. – А тебя уполномочивали искать этого Гольдберга?

– Если я должна найти деньги, то в первую очередь должна искать его, – заметила я. – Но и смерть Карпинского откидывать не стоит. Надо узнать о его связях в Тарасове. Кстати, обратись, пожалуйста, к Карасеву, пусть скажет, что им удалось раскопать за эти несколько дней.

– Ты совсем не имеешь совести! – взорвался Папазян. – Сначала ты просила предоставить информацию по Карпинскому, говорила, что так быстрее закончишь дело и освободишься для меня! Я все сделал! Все тебе рассказал, более того, из моей информации следует, что дело твое заканчивается! А ты вместо того, чтобы отблагодарить меня и исполнить обещание, требуешь все больше и больше! Больше и больше! О, все женщины таковы! Мне ли не знать! Сколько раз я сталкивался с вашим коварством!

– Боже, какой пафос, – поаплодировала я. – Остынь, Гарик. Остынь и предоставь мне информацию.

– Я уже предоставил, – отрезал Папазян.

– Мне теперь нужна другая, – упрямо повторила я.

– А мне теперь тоже нужна другая. Женщина, – пояснил Гарик. – Добрая и отзывчивая, ласковая и преданная, совсем не такая, как ты!

– У тебя нет такой, так что наслаждайся общением со мной, – улыбнулась я.

– Да уж, наслаждаюсь который год, – буркнул Папазян. – Только вот высшей точки наслаждения все не наступает.

– Ну все впереди, Гарик, – продолжая улыбаться, заглянула я в его глаза.

Одним словом, после долгих скандалов с Папазяном на тему «Ты обещала, я все сделал, а ты, недостойная женщина, опять меня обманываешь!» я все-таки выбила из него обещание раздобыть у Карасева информацию о том, что удалось выяснить насчет пребывания Карпинского в Тарасове. Это было сделать непросто, но в конце концов Папазян, матерясь, набрал номер Карасева, который сообщил, что дело передается в убойный отдел капитану Стрешневу.

– Ты с ним знаком? – спросила я Папазяна.

Гарик лишь молча кивнул. Я смотрела на него, не отрываясь, и Папазян, прекрасно понимая, чего я от него хочу, сказал, что постарается договориться о моей встрече со Стрешневым уже сегодня, но позже, поскольку сейчас капитана не было на месте.

– Спасибо тебе, Гарик, – поднявшись, я чмокнула доброго армянина в щечку. – В общем, я в морг.

– По-моему, я туда попаду раньше! – не глядя на меня, проворчал Папазян.

– Не сердись, Гарик, – ласково пропела я. – Я непременно тебе позвоню!

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – осклабился Папазян и махнул рукой: – Все, иди!

Я покинула кабинет раздосадованного опера и прошла к своей машине.

Резко стартанув, я направилась в морг. По дороге я вспомнила о том, что мои кости говорили насчет мелкого обмана с моей стороны, в результате которого я могу потерять друга. Видимо, речь шла как раз о Гарике Папазяне. Ну, мой мелкий обман в данном случае настолько невинен, что вряд ли из-за него мы с Гариком разругаемся в пух и прах. А если и разругаемся, то совсем ненадолго. Ерунда все это и к делу не имеет отношения.

Мрачное серое здание располагалось на территории университетского городка. Бывать мне здесь приходилось не раз и не два, я была знакома практически со всеми сотрудниками и не испытывала какого-либо дискомфорта при посещении этого заведения.

Войдя в морг, я столкнулась с одним из сотрудников, который, узнав меня, сообщил, что Карпинского вскрывал Давид Осипович Лейбман, один из старейших работников, и подсказал, где его найти. Я двинулась по коридору, но вскоре остановилась: Давид Осипович, невысокий, кругленький, уже довольно пожилой мужчина, с лысиной во всю макушку, с румяными щеками и в очках, шел мне навстречу. В руках он нес исписанные листы бумаги.

Церемонно раскланявшись со мной, Давид Осипович склонил голову и произнес:

– Слушаю, барышня.

– Труп с Ягодной поляны, – коротко сказала я.

– Собственно говоря, поведать особенно интересного нечего, – качая головой, произнес Давид Осипович. – Обнаружен висящим на дереве. На темени гематома. Несколько синяков, царапин... Больше никаких серьезных ран и повреждений на теле не обнаружено.

– Взглянуть можно? – спросила я.

– Да ради бога, – пожал плечами Лейбман. – Пойдемте...

И повел меня по коридору.

Тело на кушетке, естественно, было накрыто простыней, которую Давид Осипович по моей просьбе откинул. Мне открылось серое, заострившееся лицо Карпинского, обесцвеченные волосы тусклыми клочками слиплись на голове, какой-то изможденный вид... Я дотронулась до его головы и нащупала гематому. Посмотрела на шею: ее пересекала багрово-красная полоса.

Рядом на табуретке покоились вещи, видимо, принадлежавшие Вячеславу при жизни: модные шмотки, кожаный бумажник от «Гуччи», под табуретом – черные ботинки с длинными, острыми, загнутыми носами...

Я повернулась к Лейбману, молча стоявшему рядом со мной.

– Давид Осипович, от чего произошла смерть?

– От удушения, – коротко ответил патологоанатом.

– То есть все-таки самоубийство?

– По моему глубочайшему убеждению, – склонился ко мне Давид Осипович, – практически на сто процентов могу сказать, что никакого самоубийства не было, просто ему дали по голове, отвезли на поляну и повесили.

– Но он был еще жив, когда его вешали?

– Да, он был еще жив, – кивнул Давид Осипович. – Видимо, этим убийца и решил воспользоваться, чтобы выдать смерть за самоубийство. Собственно говоря, даже без вскрытия, навскидку, это становится ясно. Посмотрите на эти следы на шее, – он показал на страшные полосы от веревки. – Обратите внимание на цвет...

– Уже обратила, – сказала я.

– Так вот, если бы его вешали уже мертвым, то следы были бы черно-синими. Ну, сизыми такими. А здесь – яркие, вишневые. Жив он был, жив. Но... – Давид Осипович сделал паузу. – Травма достаточно тяжелая. Не скажу, что не совместимая с жизнью, но тяжелая. Так что, если бы его просто бросили в лесу без медицинской помощи, он бы все равно, скорее всего, умер.

– А откуда у него эта шишка на голове? – спросила я.

– Ну, этого, матушка, я вам точно сказать не могу, – развел руками патологоанатом. – Да откуда угодно! Мог, например, подраться. А потом пошел и повесился от досады, – усмехнулся Лейбман.

– Да уж, – покачала я головой. – Блестящая версия! А еще какие-нибудь имеются?

– Собственно говоря, строить версии – не по моей части. Мне сообщить больше нечего, – покачал головой эксперт. – По моей работе все.

– Да... – протянула я. – Не густо.

– Ну, как говорится, чем богаты, тем и рады, – сказал Давид Осипович. – Желаю успехов, барышня.

Выйдя из морга, я села в машину и позвонила Папазяну:

– Ты больше ничего не хочешь мне сказать?

– А ты? – откликнулся Гарик.

– Что за еврейская привычка отвечать вопросом на вопрос? Ты этого не у Давида Осиповича набрался? – сердито сказала я.

– Нет. И у Давида Осиповича, насколько мне известно, такой привычки нет, хоть он и сто-процентный еврей. По субботам даже никогда не работает и только кошерную пищу кушает, – засмеялся Папазян. – Ладно, значит, новости таковы: Стрешнев прибудет в РОВД только к вечерней планерке. Но встретиться с тобой согласился, правда, ненадолго. Так что, Таня-джан, предлагаю тебе пока подождать вечера у меня в кабинете, мы с тобой мирно попьем чайку, коротая время, и мне оно в компании с тобой покажется далеко не столь долгим и утомительным. Кстати, у меня есть печенье и конфеты.

– А торт со взбитыми сливками? – спросила я, улыбаясь.

– Дорогая моя, для тебя все, что только пожелаешь! Но только торт – десерт не для моего кабинета. Я считаю, гораздо уместнее он будет выглядеть где-нибудь в уютной обстановке, за столиком с вином и фруктами, в тишине, наедине... – голос Папазяна стал вкрадчивым.

– Сразу видно, что ты не пилот, Гарик. У них первым делом самолеты...

– И слава богу, что я не пилот! – воскликнул Папазян. – Я вообще не понимаю, кто такую идиотскую песню придумал, благо, ее уже почти забыли. Про каких-то извращенцев-фетиши-

стов, которым самолеты заменяют девушек. Я тебе больше скажу: именно из-за таких мужчин у нас столько одиноких, несчастных женщин!

– Так осчастливь их, Гарик! – засмеялась я.

– А я уже готов осчастливить одну, давно готов!

Я прямо кожей чувствовала, какой при этих словах стал преданный взгляд у Гарика.

– Ты только немного перепутал, – вздохнула я. – Одинокая женщина – не всегда несчастная. И я несчастной себя не считаю. Так что лучше позаботься о других, Гарик, подари свое любвеобильное сердце той, которая действительно в этом нуждается.

– Их слишком много, – вздохнул Папазян. – На всех меня не хватит.

– Ой ли? – прищурилась я. – Насколько я знаю...

– Сплетни, дорогая, все сплетни! – тут же перебил меня Гарик. – От завистников никакого спасу нет! Не верь никому, верь только мне!

– Верю, верю. И надеюсь, что встреча со Стрешневым благодаря тебе у меня сегодня состоится.

– А со мной? – тут же спросил Папазян. – Стрешнев тебе минут пятнадцать уделит, не больше. А то и меньше. Так что к шести ты уже будешь совершенно свободна, и я, кстати, тоже. Так что мое предложение насчет ресторана остается в силе. Более того, я очень рассчитываю на благодарность за мою неоценимую помощь.

– Я тебе безмерно благодарна, Гарик, но вечером мне предстоит встретиться с клиентом, – соврала я, поскольку еще не созванивалась с Морозовым.

– Да там... Да там встреча на две минуты! – вскричал Гарик. – Говоришь, что Карпинского замучила совесть, он не выдержал и повесился, и прощаешься!

– Гарик, сегодня точно не получится, – все-таки отрезала я. – А вот в какой-нибудь другой день...

– Где он, этот день? И на каком календаре?! – бушевал Папазян.

– Гарик, у тебя нет слуха, – ответила я и отключила связь, ведь все, что я хотела получить от Папазяна, я уже получила.

После этого я поехала домой обедать, так как до вечера времени было очень много. Уже сидя в своей уютной кухне, я достала из сумочки замшевый мешочек с двенадцатигранными костями и, не особо встряхивая, рассыпала их по столу. Выпало: 34+6+18 – Верьте в свои возможности, и ваша мечта осуществится!

Это просто здорово, конечно. Интересно только, что они подразумевают под мечтой? Я, например, давно мечтаю побывать в Австралии и верю, что когда-нибудь это произойдет. Но кости, конечно же, не об этом, если рассуждать серьезно. Мои двенадцатигранные помощники всегда сообщали лишь о том, что занимает мои мысли в данную минуту, а я думала о Карпинском и о том, что мне скажет Морозов. Честно говоря, мне не хотелось так скоро бросать начатое дело только лишь потому, что один из его участников оказался трупом. Однако неизвестно, как поведет себя заказчик в сложившейся ситуации.

Подумав, что звонок все же не следует откладывать, я набрала номер Морозова. Его мобильный был отключен. «Видимо, на репетиции или на каком-нибудь концерте», – подумала я, хотя, вообще-то, для концертов время было не очень подходящее. Впрочем, учитывая репертуар их коллектива, вполне могло быть, что они выступают в какой-нибудь школе или даже детском саду. Что ж, предстояло проявить самостоятельность и инициативу, тем более что встреча со Стрешневым была уже запланирована. Время до вечера я провела в компании телевизора, а к пяти направилась в Кировский РОВД. Заходить в кабинет к Папазяну я не стала, а поинтересовалась у дежурного, где мне увидеть капитана Стрешнева.

Стрешнев Михаил Юрьевич оказался человеком примерно моего возраста. Говорить он старался официально и всем своим видом выражал, насколько он занят.

«Словом, тот еще зануда, – подумала я. – Что-то везет мне на таких в последнее время. Один Морозов чего стоит».

Мне тем не менее удалось добиться приглашения в кабинет, и, расположившись напротив капитана, я спросила:

– Так что удалось узнать об этом Карпинском и его пребывании в Тарасове?

– Ну что... – вздохнув, побарабанил по столу пальцами с тщательно вычищенными ногтями Михаил Юрьевич. – В предполагаемый вечер смерти его видели в ночном клубе «Каскад». Был вместе с этим... – он заглянул в документы, – с Гольдбергом. Ушел раньше него, вроде бы один. Больше его никто не видел. Все.

– А Гольдберга?

– И Гольдберга, – кивнул Стрешнев.

– А где они жили в Тарасове? Вместе или поврозь?

– Этого никто не знает, – пожал плечами капитан. – Что касается Карпинского, то у него в Тарасове живет сестра.

– А родители?

– Родители давно умерли, – махнул он рукой. – Сестра живет в оставшейся от них квартире. Говорит, что брат приезжал часто, но у нее почти никогда не останавливался. А про нынешний его приезд она вообще ничего не знает. Даже не виделась с братцем.

– Адресочек сестры дайте, пожалуйста, – попросила я и записала продиктованные Стрешневым данные в свою записную книжку, попутно задав следующий вопрос: – Мобильный телефон был при Карпинском?

– Нет, – покачал капитан головой. – Номер нам, конечно, известен от сестры, но он не отвечает.

«Это я и сама знаю», – со вздохом подумала я и спросила:

– А записной книжки при нем случайно не было?

– Представьте себе, была, – кивнул Стрешнев. – Хотите взглянуть?

– Очень была бы рада, – призналась я. – И не только взглянуть, а и ксерокопию сделать.

– Идите делайте, – милостиво разрешил капитан, протягивая мне записную книжку в черном кожаном переплете.

Я быстренько сбегала на первый этаж, сделала копию и вернулась в кабинет Стрешнева. Капитан ждал меня, поглядывая на часы.

– А что насчет Гольдберга? – усаживаясь на свое место, спросила я.

– Ничего. Зачем нам этот Гольдберг? Погиб-то Карпинский. Это вам, как я понял, нужно его найти.

«Неизвестно, нужно ли уже, – подумала я. – Морозов-то еще не знает о смерти Карпинского».

– Но ведь не исключена вероятность того, что это он убил своего поделщика, – сказала я.

– С чего вы взяли, что Карпинского убили? – хмыкнул Стрешнев. – Мы вообще-то придерживаемся версии о самоубийстве.

– А вот я не исключаю убийства, – покачала я головой. – Вы вообще в курсе, что они на пару «кидали» музыкальные коллективы?

– Конечно, – едва заметно ухмыльнувшись, сказал Михаил Юрьевич. – Карасев же этим делом занимался. Но... – Капитан сделал многозначительную паузу. – Занимался не слишком-то усердно, так как времени очень мало прошло с момента подачи заявления. Да и Морозов... – он замаялся.

– Понятно, клиент жадный попался, – усмехнулась я. – А Карасеву за спасибо и возиться-то не хотелось.

Стрешнев никак не стал это комментировать, он нахмурился и принялся с серьезным видом перелистывать документы.

– У вас нет больше вопросов? – сухо спросил он. – А то у меня работы много.

– Спасибо, пока вопросов нет, – поднимаясь, проговорила я.

Распрощавшись с капитаном, я пробежала к выходу, опасаясь, что Папазян караулит меня где-нибудь под лестницей. Я вышла на улицу и села в машину. Отъехав немного подальше от РОВД и вездесущего Гарика, достала телефон и снова набрала номер Морозова. На этот раз он откликнулся.

– Это Татьяна Иванова, у меня есть новости, даже не знаю, обрадуют они вас или расстроят, – начала я. – Одним словом, Карпинский мертв. Его нашли повешенным три дня назад.

Морозов, по всей видимости, впал в ступор, потому что долго молчал. Я спокойно считала секунды, намереваясь вычестить деньги за них из суммы аванса.

– Сообщаю также, – продолжила я, чтобы поскорее вывести клиента из шокового состояния и вернуть в реальность, – что Гольдберг непонятно где. Где его искать, неизвестно. Так что подумайте, имеет ли смысл продолжать расследование. Я за проделанную работу вам, можно сказать, отчиталась, могу вернуть неотработанную часть аванса и на том распрощаться.

Долгое сопение в трубке показало, что в голове Морозова происходит сложный мыслительный процесс. Руководителя народного коллектива откровенно душила жаба, и он колебался, делая мучительный выбор.

– Не надо аванса, – наконец произнес он. – Оставьте себе. И расследование продолжайте, пока хватит этих денег. Дальше посмотрим.

– Но вы понимаете, – кашлянув, пояснила я, – что поиск Гольдберга может занять довольно много времени. К тому же, если я найду его, это не означает, что я найду деньги.

– Я понимаю! – Морозов, кажется, начал раздражаться. – Я говорю – ищите! Если нужно будет, денег я добавлю.

И, посопев, добавил:

– Я очень хочу посмотреть в глаза этому человеку и подать на него в суд.

«Ну, смотреть в глаза такому человеку бессмысленно, – усмехнулась я. – Ему даже плюнуть в них можно – вряд ли он потеряет от этого сон и аппетит».

– Хорошо, я позвоню вам, когда будет надобность, – сказала я и отключилась, дабы не выслушивать бесконечное недовольное сопение.

Глава третья

Тем же вечером, чтобы не откладывать дело в долгий ящик, я собралась к сестре погибшего Вячеслава Карпинского. Время как раз было подходящее: скорее всего, к восьми часам она уже вернулась с работы. Собственно, кроме имени этой женщины и ее адреса, я больше ничего о ней не знала. Не знала, где и кем она работает, не знала, есть ли у нее семья...

Остановив машину у ничем не примечательной пятиэтажной постройки времен Хрущева, я поднялась на третий этаж и позвонила. Вскоре послышалось настороженное:

– Кто?

– Я к вам по поводу смерти вашего брата, – применила я довольно обтекаемую формулировку, чтобы избежать лишних вопросов.

Сестра Карпинского, Марина, выглядела усталой и погасшей. Она была одета в черный обтягивающий топ и красные шорты, и я обратила внимание, что у этой женщины хорошая, стройная фигура. Да и лицо сохранило следы красоты. На вид Марине можно было дать лет тридцать пять, хотя на самом деле, скорее всего, Марина была моложе. Она, наверное, недавно пришла с работы и умылась – на лице отсутствовал макияж, вместо него был наложен густой слой крема, что свидетельствовало о том, что Марина все-таки привыкла следить за собой. Об этом же говорили и модная стрижка, и профессионально выполненное мелирование.

Жилище Марины не отличалось особой роскошью. Видимо, братец не баловал сестру подарками со своих гонораров.

– Проходите, – скользнув по мне безразличным взглядом, пригласила меня Марина в кухню, которая оказалась примерно такой, как я и представляла: маленькой, тесной, со старой мебелью, оставшейся, видимо, еще от родителей. Но, проходя по коридору, я мельком заглянула в комнату и отметила, что в ней обстановка все же гораздо лучше. Там явно недавно делали ремонт, да и мебель была современная, и техника неплохая.

«Братец помог? Или своими силами справилась? А может быть, одинокая женщина нашла спонсора? А собственно, с чего я взяла, что она одинокая?»

Марина предложила мне присесть на табурет и поставила на плиту чайник. Затем достала из пакета ватный тампон и медленными движениями принялась стирать крем с лица. Покончив с этим занятием, она села напротив и вяло сказала:

– Ваши люди уже здесь были.

– Я знаю, – кивнула я, – но мне хочется все же кое-что уточнить.

– Уточняйте, – пожала плечами Марина.

– Скажите, как вы можете охарактеризовать своего брата? – начала я.

Марина чуть подумала, потом поднялась, выключила чайник и достала две чашки. Под жиденький чаек с простым печеньем мы с ней и начали беседу.

– Слава любил рисковать, – качая головой, сказала Карпинская. – Его даже можно было назвать авантюристом. В детстве никого не боялся, постоянно во всякие истории попадал. Это в крови у него было. Причем силой физической никогда не отличался и спортом не занимался никогда. Такой характер был...

– А давно он уехал в Москву?

– Да уж лет пятнадцать как, – махнула рукой женщина. – Я не знаю толком, чем он там занимался. Мне это все незнакомо, непонятно.

– А вы сами где работаете? – поинтересовалась я.

– Я детский психолог. Долгое время работала в детском саду, но там зарплата совсем маленькая. Правда, не так давно подруга помогла устроиться в частную клинику. Там, конечно, гораздо лучше.

– Не жалко было уходить? – спросила я, демонстрируя искренний интерес и стараясь тем самым расположить к себе женщину.

– Жалко, – вздохнула Марина. – Тем более что я, в отличие от брата, не склонна к переменам и рискованным операциям.

– Но что-то о жизни брата вы знаете?

– Знаю. Он ведь в шоу-бизнесе крутился. Не всегда все у него хорошо получалось. Что называется, то густо, то пусто. Иногда приезжал в обновках, хвалился, что все у него отлично, нам с родителями дорогие подарки покупал... А порой приезжал с поджатым хвостом, денег у родителей просил в долг. Те давали, конечно. Только Слава почти никогда не возвращал. А когда родители умерли, он реже стал здесь появляться. У меня денег просить было бесполезно – что я ему со своей зарплаты могла дать? Он в день, наверное, больше тратил, чем я в месяц зарабатывала. Сейчас, конечно, мне полегче стало, но тут и Слава перестал появляться.

– А что вы знаете про его друга Гольдберга? Они ведь, кажется, работали вместе.

– Про Гольдберга я мало знаю, – отвернувшись в сторону, опустила глаза Марина. – Слава несколько раз заходил с ним ко мне, однажды даже пару дней они здесь жили. Это еще года два назад было.

– Ну а все же? Как вы можете его охарактеризовать? И что вам брат о нем рассказывал? Марина наморщила лоб.

– Слава говорил, что познакомился с ним в Москве. А сам он, кажется, откуда-то, чуть ли не с Дальнего Востока, я точно не помню. А по характеру... Да такой же, как и братец, – шустрый, авантюрного склада. Вот на этой почве-то они и спелись в Москве. Крутились, пытались вместе деньги зарабатывать, раскручивали каких-то малоизвестных певцов... Но Гольдберг все же посерьезнее Славы, надо признать. Поосновательнее, что ли. Да и постарше немного. Хотя... – Марина махнула рукой. – Слава с возрастом все равно мало бы изменился. Это уж, как говорится, горбатого могила исправит...

Произнеся последнюю фразу, Карпинская вздрогнула, видно, поняла двусмысленность сказанного. Она вытащила из кармана шорт платок и промокнула глаза.

– Извините, – шмыгнув носом, сказала Марина. – Все-таки родной брат...

– Я понимаю, – кивнула, а переждав минуту, спросила я: – Мы можем продолжить разговор?

– Да-да, – заверила меня Карпинская. – Значит, о Гольдберге... Пожалуй, я вам все и сказала. В общем, в отличие от Славы, он не был подвержен всяким там порокам, – она понизила голос. – Во всяком случае, с бабами так не путался и все деньги в казино не спускал.

– А братец спускал? – прищурилась я.

– Еще как, – усмехнулась Марина. – Я же говорю, с молодости был авантюрист.

– И какие же казино он предпочитал? Я имею в виду и местные, и московские.

– Ну, насчет московских ничего сказать не могу, – развела руками сестра Карпинского, – а про тарасовские... Упоминал он как-то казино «Каскад», по-моему. Это еще в прошлый приезд, он Гольдбергу звонил и говорил: «Я буду в „Каскаде“, подъезжай туда».

Казино «Каскад» было мне хорошо знакомо, бывать мне в нем доводилось не раз. Так что проблем с получением информации насчет Карпинского от его сотрудников не должно возникнуть. В крайнем случае можно будет прибегнуть к самому безотказному методу развязывания языков – финансовому поощрению.

– А в этот раз не знаю, был он там или нет, – продолжала Марина. – Мы же даже не общались, он и не позвонил мне, не сообщил, что приехал. Он вообще старался не жить у меня. Ему, московскому хлыщу, эта обстановка в тягость и всегда тяготила, поэтому он и уехал покорять столицу. Я о его последнем приезде и узнала-то только от милиции...

– А почему не заходил и даже не позвонил, как вы думаете? – спросила я. – Ну ладно, остановился в другом месте, но хотя бы позвонить-то можно? Не так ведь часто вы видитесь.

– Не знаю, видимо, прятался от кого-то, – вздохнула Марина и, глядя в сторону, добавила:
– Его ведь не только вы ищете.

– А кто его еще ищет? – заинтересовалась я.

– Да приходили вчера какие-то двое, еще до милиции... – неохотно поведала Марина.

– Кто такие? Как выглядели? Чего хотели? – моментально забросала я ее вопросами, почувствовав, что сейчас можно нащупать ниточку в расследовании.

– На милиционеров не похожи, разговаривали вежливо, – задумчиво сказала Карпинская. – Один в костюме был, другой в кожаной куртке. Оба такие... широкоплечие, высокие. Волосы короткие. Были на белой машине, иномарка какая-то, я не разбираюсь, – махнула Марина рукой. – Я их потом видела, когда в магазин выходила, они сидели во дворе, ждали. Думали, наверное, что я его прячу.

– И о чем же они вас спрашивали?

– Про Славу расспрашивали, когда приезжал в последний раз, не звонил ли, где бывает в Тарасове, с кем дружит... Вот, примерно, как вы. Только они точно не из милиции, ваши люди по-другому себя ведут.

– А как выглядела машина?

– Я же говорю, белая такая, иномарка...

– Ну, может, какие-нибудь значки или что-то еще?

– Синие-белые какие-то квадратики вроде... – неуверенно проговорила Марина.

– «БМВ»? – сдвинула я брови.

– Да не знаю я! – Марина прижала руки к груди. – Мне что «БМВ», что «Мерседес» – я на таких машинах не езжу. Да мне и ездить-то некуда, я на работу пешком хожу, здесь недалеко. А с работы – в магазин и домой. Вот все мои походы. Правда, на дачу еще езжу летом, так опять же в основном на автобусе, если только... – Она вдруг резко оборвала фразу.

– Что «если только»? – переспросила я.

– Ничего, я имела в виду, если только кто-нибудь из соседей по даче не подкинет на своей машине, но это редко бывает.

И Марина затеребила высветленную прядь на виске.

– А где у вас дача? – сама не зная почему, спросила я, видно, сработала интуиция – слишком уж напряглась Марина при этом невинном эпизоде.

– В Раскатове. Старенькая уже дача, от родителей еще осталась. Они в нее всю душу вкладывали, а мне некогда так за ней ухаживать, да и, признаться, желания особого нет. Так, поддерживаю, что могу.

«Может быть, они из-за этой дачи с братцем спорили?» – подумала я и спросила:

– А Вячеславу эта дача была дорога? Он туда ездил?

– Что вы! – Марина удивленно махнула рукой и даже засмеялась. – Он про нее и слышать не хотел, даже надо мной смеялся. Продай, говорит, зачем она тебе нужна? А мне жалко продавать, все-таки память о родителях. Сколько они труда в нее вложили! Они и дачу-то мне завещали, потому что знали, что Слава там палец о палец не ударит.

– А конфликтов с братом у вас не было на этой почве? – Я внимательно посмотрела Марине в глаза.

– Нет, – ответила она. – Во всяком случае, Слава никогда не высказывал претензий по этому поводу. Занимаюсь я дачей и занимаюсь, он в эти дела не лез. Тем более знал, что мне летом особо и делать-то больше нечего.

В принципе дача действительно вряд ли представляла такую уж ценность, чтобы Марина с братом могли серьезно конфликтовать из-за нее. Не того уровня это наследство. Раскатово – это не Волга, где одно только место под дачу стоит приличных денег. Далеко не у каждого тарасовца найдется такая сумма, не говоря уже о добротном доме на берегу реки. А старенькую дачку в Раскатове вполне можно купить тысяч за пятнадцать. Причем рублей. Несерьезная

эта сумма для «московского хлыща», как охарактеризовала брата Марина. И все-таки этот моментик нужно иметь в виду. Чем черт не шутит! Если он иногда даже побирался у сестры, значит, бывали времена, когда и пятнадцать тысяч рублей могли быть нужны позарез.

– Я не очень-то общительный человек по натуре, – продолжала тем временем Марина, – хоть и работаю с людьми. Есть у меня несколько подруг, коллеги по работе, дети-воспитанники... – она запнулась, – в общем, мне хватает.

– А своих детей, простите, у вас нет?

– Нет, – просто ответила Марина. – Был когда-то муж, но мы очень быстро развелись. Слишком ранний был наш брак, незрелый. А сейчас... Не так-то просто выйти замуж женщине после тридцати.

– Ну, у вас есть ряд преимуществ, – польстила я ей. – Вы молодо выглядите, детей нет, квартира опять же отдельная имеется.

– Да, это так, – кивнула Марина. – Но говорю – я мало куда хожу. Познакомиться-то практически негде. Да и мужчины в основном все уже женаты. А влезать в чужую семью не хочется.

– А у кого же останавливался ваш брат в Тарасове, если не у вас? – перевела я разговор на другую тему.

– Да так, по друзьям, по знакомым, – пожала плечами Карпинская. – По ночным клубам любил ходить, там же до утра можно тусоваться. По гостиницам, видимо. У меня же его в первую очередь начнут искать. Это же не единственный раз.

– То есть его часто искали?

– Да уж не редко. Он же у нас парень бедовый. Я всегда его предупреждала, что это добром не кончится, – вздохнула Марина. – Только Слава никогда никого не слушал, шуточками отделялся. – Она помолчала какое-то время, потом подняла на меня темно-синие глаза: – Скажите, вы ведь думаете, что его убили?

– Почему вы так решили?

– Да разве с самоубийством стали бы так возиться? Приходить, расспрашивать... Вы мне скажите, есть хоть шанс, что найдут того, кто его убил? – спросила она.

– Работаем, – оптимистично заявила я. – А вы, значит, не верите, что ваш брат мог покончить с собой?

– Да господь с вами! – усмехнулась Марина. – Кто угодно, только не Слава. Он любил жизнь.

– Ну, а если бы он, скажем, крупно проигрался, а деньги отдавать нечем? Если выхода не было?

– Да что вы! – Марина замахала руками. – Он и не в такие передрыги попадал! Он уж привык, ему и жизнь-то без передрыг скучной казалась.

– А вы откуда знаете? Он что, с вами откровенничал? – прищурилась я.

– Ну, не то чтобы так уж откровенничал... Но кое-что говорил. Да я и сама не идиотка. Зря, что ли, он скрывался периодически? Мне звонил, говорил, чтобы, если его будут спрашивать, отвечала, будто не общалась с ним уже несколько лет. Мне все это очень не нравилось, очень... Я не люблю таких дел.

– А что вы знаете о его отношениях с девушками? – задала я довольно важный вопрос.

– Ой! – Марина поморщилась. – У него их, кажется, столько было, этих отношений. Слава легкомысленно к таким вещам относился, жениться не собирался. Я ему говорила не раз: «Тебе тридцать седьмой год пошел, пора семью заводить, детей!» А он только отмахивался да смеялся. Я, говорит, Мариша, несемейный человек. Или говорил, что, мол, вот заработаю достаточно, чтобы семья ни в чем не нуждалась, тогда и женюсь. Но только вряд ли бы он женился. Такие люди не любят однообразия и стабильности. Для них это рутина. Я же все-таки психолог, хоть и детский. Прекрасно понимала натуру брата.

– А о девушке по имени Ася или Аня вы никогда не слышали?

Марина посмотрела на меня, как на сумасшедшую.

– Да у него небось одних Ань было человек десять! Весь телефон забит номерами, и звонили ему часто женщины. Я и не спрашивала никогда про кого-то конкретно, потому что знала, что ничего серьезного у него ни с кем нет. Зачем же мне голову себе забивать? Это он пускай их всех по именам запоминает, разбирается с ними.

– Понятно, – вздохнула я, чувствуя, что разговор пора заканчивать.

– Так хотя, когда бы примерно, можно узнать, нашли убийцу или нет? – провожая меня в прихожую, спросила Карпинская.

– Когда найдут, вам обязательно сообщат, не сомневайтесь, – заверила я ее и стала обуваться.

Когда я выпрямилась, взгляд мой упал на тумбочку, на которой лежали женская шапочка и перчатки. Из-под них выглядывал мужской шарф.

– Это брата? – спросила я, кивая на шарф.

– Да, – сказала Марина и убрала шарф в шкаф. – Забыл еще с прошлого раза. Теперь на память останется.

Уже сидя в машине, я прокрутила в голове разговор с сестрой погибшего. Самым важным фактом, сообщенным ею, явилось то, что Вячеслава Карпинского разыскивали двое парней на белой иномарке. Кто такие? Почему искали? И где найти их самих? Эти вопросы оставались без ответа, поэтому данную информацию я пока «записала» в разряд не востребованной. А вот казино «Каскад»... Это, пожалуй, то место, куда следовало направиться в первую очередь, тем более что и время как раз было подходящее – скоро десять часов вечера.

Однако перед тем, как отправляться в «Каскад», я все же решила метнуть кости. Выпала следующая комбинация:

36+20+5 – Вы успешно разрушите хорошо продуманный заговор, составленный против вас вашими соперниками.

Спасибо, родные мои, за поддержку! Только пока что у меня не просматривается ни соперников, ни заговоров, которые они могут составить против меня. Но раз кости предупреждают, значит, так оно и будет, ибо мои помощники никогда меня не обманывают.

* * *

«Каскад» стоял на Набережной, почти у самой воды, и искрился неоновыми огнями. Строгое здание завораживало четкостью и завершенностью форм, а сверкающе-синяя вывеска только подчеркивала прелесть архитектуры. К этому времени стоянку уже заполнили автомобили всех марок и моделей. В основном здесь красовались зарубежные элитные машины, но было несколько «десяток» и «Волг». Я оставила машину на стоянке и подошла к массивным дверям казино.

Мне было достаточно хорошо знакомо это место, еще с тех времен, когда здесь располагалось не казино, а обычное кафе. И дизайн здания был совершенно иным, и обстановка внутри, к сожалению, оставляла желать лучшего. Посетителей далеко не всегда встречал услужливый метрдотель, и народу было столько, что, как говорится, яблоку негде было упасть. И публика была разношерстной и разноуровневой. Работники торговли и труженики ненавязчивого советского сервиса приходили сюда под вечер отдохнуть от праведных трудов и обмыться дневной навар. Заглядывала сюда и интеллигенция, а также военные офицеры, подчеркнуто демонстрировавшие знание правил этикета и аккуратность перед своими дамами и друг перед другом. Были и дамы, приходившие без мужского эскорта. И конечно, гости города, командированные, обосновавшиеся в гостинице по соседству. Сервис был на уровне чуть выше столовского общепита. И где теперь все это? Да понятно где – прошло вместе с эпохой.

Двери тут же распахнулись, повинувшись руке молодого человека, одетого в ярко-синюю с золотыми пуговицами униформу.

– Добро пожаловать в «Каскад»! – хорошо поставленным голосом произнес парень, склоняя передо мной голову.

Я прошла, улыбнувшись, – в последнее время стараются возродить казино в первоизданном виде, с ливрейными лакеями и швейцарами. Для этих ролей нанимают бедствующих студентов, которые рады поработать за неплохие деньги...

Меня проводил до столика розовощекий молодой человек, весивший, по моей оценке, никак не меньше центнера. Он был облачен в строгий черный костюм, к которому прилагался не менее строгий галстук.

«Ни дать ни взять дежурный инструктор горкома комсомола на своем боевом посту», – подумала я.

«Комсомольский вожак» подозвал официанта, и тот вручил мне меню. На эстраде тем временем небольшой смешанный ансамбль демонстрировал современный балетно-гимнастический этюд под звуки синтезаторов, со всей широтой и размахом, на которые только был способен провинциальный балетмейстер-постановщик.

Я была не голодна, к тому же мне следовало поскорее перейти в игровой зал, поэтому я ограничилась салатом и кофе с пирожным. Нужно отдать должное – качество еды в «Каскаде» было на уровне, кофе был крепким и сладким ровно настолько, насколько нужно.

Осмотревшись, я отметила, что никого из знакомых в обеденном зале не было. Поэтому я решила действовать.

Покончив с кофе, я прошла в игорный зал. Единственное, что объединяло здесь разношерстную публику, – это желание разбогатеть. Ни у кого не было стремления потратить лишние деньги – лишних просто не бывает.

Наблюдать за игроками было даже забавно, но я сюда пришла не за этим. Я подошла к стойке бара и взобралась на высокий табурет.

– Мартини, пожалуйста! – попросила я бармена.

Незнакомый молодой человек поспешил выполнить заказ. Поблагодарив его, я поинтересовалась:

– Скажите, вы постоянно здесь работаете?

– Конечно, – снисходительно кивнул бармен, которому гораздо больше подошло бы место на ринге – мускулатура так и переливалась под форменной одеждой, а нос на мужественной широкой физиономии казался сломанным неоднократно.

– Вы, наверное, помните всех посетителей?

– Постоянных – да, – в глазах бармена сверкнула алчность – он понимал, к чему я клоню.

Я этот его взгляд угадала сразу же и выудила из сумочки нежно шелестящую купюру.

– А кто вас интересует? – уловив мой жест, осведомился бармен.

– Некто Вячеслав Карпинский.

– Ага, московский гость, – кивнул бармен, и купюра ловко перекочевала из моих рук в его карман. – Он здесь постоянно играет, почти всегда проигрывает.

– А в последний раз он когда здесь был?

– Несколько дней назад.

– И тоже проиграл?

Бармен снисходительно кивнул.

– И много? – поинтересовалась я, но бармен, извинившись, отошел.

Я посидела некоторое время одна, раздумывая, пообщаться мне с крупье или сразу отправиться к управляющему казино, но тут вернулся бармен.

– Вот, кстати, – усмехнулся он и перевел взгляд на игровой зал. – Видите, за дальним столиком рыжеволосый мужчина в синей рубашке играет? Это его постоянный партнер, Гена. Только, разумеется, вы об этом узнали не от меня...

Я посмотрела в указанном направлении и встретила взглядом с молодым человеком лет двадцати пяти – двадцати восьми. Темно-рыжие волнистые волосы небрежными вихрами спускались на виски. Черная джинсовая рубашка подчеркивала его молодость, глаза блестели, а рука напряженно зависла над столом, пока крутился шарик рулетки. Но взгляд рыжего приобрел заинтересованность, остановившись на мне.

– Благодарю вас, – сказала я бармену и, подхватив бокал, с небрежным видом прошла по залу казино.

Словно бы случайно я остановилась именно над тем диском рулетки, за которым играл рыжеволосый. И, обменяв деньги на фишки, поставила на то же число, что и Гена. Рыжий ответил заинтересованным взглядом.

Через несколько минут, за которые я умудрилась даже выиграть некоторую сумму, мы с рыжим разговорились.

– Ну что, партнер, позвольте вас пригласить на ужин? – поинтересовался Геннадий.

– С удовольствием принимаю приглашение, – улыбнулась я, и мы прошли в ресторан.

Сев за столик и заказав закуску, разговорились.

– Я вижу, вам везет, – заметила я, закуривая. – Неужели так всегда?

– Нет, конечно, это же фортуна, – глубокомысленно откликнулся Геннадий. – Но я редко остаюсь в проигрыше.

– Это замечательно. А один мой знакомый, напротив, редко выигрывает. Он тоже здесь играет – может быть, вы его знаете.

В этом местечке царил миротворенная обстановка. В огромных аквариумах, расположенных по периметру стен, лениво плавали пестрые рыбы.

– И кто же этот ваш знакомый? – любопытно спросил рыжий мужчина. – Возможно, я и в самом деле с ним встречался.

– Вячеслав Карпинский, – назвала я имя.

И лицо моего собеседника сразу помрачнело. Однако Геннадий не выразил больше никаких эмоций.

– Как же, отлично знаю Славу, – с непринужденным видом произнес он. – Он, кстати, на днях взял у меня взаймы деньги, только до сих пор не вернул.

– Да вы что? – поражено воскликнула я.

– Но это без передачи, – поднял указательный палец вверх Геннадий. – Просто странно – сумма-то левая совершенно, а он не появляется здесь уже несколько дней. Как будто боится, что ли? Или двух тысяч найти не может? Причем, заметьте, не долларов, а рублей! Представляете? – Геннадий засмеялся.

Я тоже улыбнулась, не в силах скрыть удивления. Действительно, сумма была смешной.

– А на днях – это когда? – осторожно уточнила я. – Понимаете, я тоже его ищу, а он словно сквозь землю провалился.

– Он и вам должен денег?! – изумленно воскликнул Геннадий.

– Нет-нет, что вы, – улыбнулась я. – Мне он нужен совсем по другому вопросу.

Геннадий внимательно посмотрел на меня, потом усмехнулся. Видимо, решил, что я одна из многочисленных подружек Карпинского, которую ветреный продюсер кинул не на деньги, а на любовь. И теперь несчастная брошенная мадемуазель ведет поиски коварного любовника, обходя его насиженные места.

– Я сейчас точно не вспомню, – наморщил он лоб. – Где-то около недели прошло.

«Не сходится, – подумала я. – Смерть Карпинского наступила три дня назад. Интересно, а после того, как он занял деньги у Геннадия, он появлялся здесь?»

– А вы сами каждый день здесь бываете? – поинтересовалась я.

– Нет, – покачал головой Геннадий. – После той встречи с Вячеславом я не появлялся здесь несколько дней. Пришел вчера, сегодня вот снова здесь... А его нет! Я уже думаю, что он уехал обратно в Москву и ждать своих денег мне придется теперь долго – пока он не явится снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.